Комментарий
25 сентября 2018

Искры и форматные трудности российско-белорусских отношений

Евгений Прейгерман

Резюме

Сочинская встреча 21 сентября продемонстрировала две форматные трудности в отношениях Беларуси и России. Первая заключается в том, что почти всегда для разрешения проблем требуется личное участие президентов. Вторая – недостаток предсказуемости. Пока многие западные комментаторы рассуждают о «новом СССР» и геополитической основе ЕАЭС, для Беларуси интеграция – это прежде всего механизм экономической предсказуемости. Если статус-кво по обеим форматным проблемам сохранится, то российско-белорусские отношения будут и дальше «искрить» с высокой периодичностью.

Опубликовано Дискуссионным клубом «Валдай»

21 сентября в Сочи состоялась встреча президентов России и Беларуси при участии руководства правительств обеих стран. В последнее время в белорусско-российских отношениях накопилось несколько проблем, из-за чего к сочинской встрече было приковано особое медийное внимание. К тому же это уже вторая двусторонняя встреча Путина и Лукашенко за месяц. На предыдущей стороны договорились собраться в широком составе и найти развязки накопившимся противоречиям.

Александр Лукашенко заявил, что переговоры были «тяжелыми, но результативными». Судя по всему, по наиболее проблемным вопросам достигнуты принципиальные договоренности. Но детали еще будут прорабатываться на экспертном уровне. При этом белорусская сторона констатирует, что окончательно решены спорные вопросы в нефтегазовой сфере, которые традиционно становятся камнем преткновения между Минском и Москвой как в рамках Союзного государства, так и ЕАЭС.

Какими бы ни были новые договоренности, сочинская встреча и предшествовавшие ей события в очередной раз продемонстрировали две своего рода форматные трудности в отношениях Беларуси и России.

Первая заключается в том, что почти всегда для разрешения проблем требуется личное участие президентов. Вообще это отражает особый характер белорусско-российских отношений: их близость, масштабность и интенсивность. Здесь тесное взаимодействие происходит на самых различных уровнях, и неизбежно возникают противоречия и споры. Особенно среди хозяйствующих субъектов. А так как культура ведения бизнеса у белорусских (преимущественно государственных) и российских (преимущественно частных, либо менее регулируемых государством) компаний по определению разная, это еще больше осложняет решение споров.

Поэтому часто даже, казалось бы, мелкие вопросы не решаются, пока не попадут в президентскую повестку дня.

> Но проблема в том, что до попадания на высший уровень противоречиям свойственно накапливаться. И чем дольше – тем больше вокруг них медийного шума, нагнетающего негатив.

В какие-то моменты (их мы не раз наблюдали) медийный негатив начинает жить собственной жизнью: появляются разного рода вбросы и слухи, которые в поисках рейтингов тиражируют СМИ. В итоге это сказывается и на общественном восприятии белорусско-российских отношений, и на настроениях официальных лиц.

Вторая форматная трудность не является уникальной для Беларуси и России. Она типична для отношений малого и большого государств. Малые государства всегда ищут возможность повысить предсказуемость отношений с более крупным и экономически сильным партнером и зафиксировать правила игры. Зачастую такие объективные потребности небольшие государства реализуют в рамках интеграционных объединений. Именно это одна из причин (хотя и не единственная), почему Минск всегда активно участвует в интеграционных образованиях на постсоветском пространстве.

> Пока многие западные комментаторы рассуждают о «новом СССР» и геополитической основе ЕАЭС, для Беларуси интеграция – это прежде всего механизм экономической предсказуемости.

Особенно хорошо это видно по сотрудничеству в энергетической сфере. Для Минска принципиальным вопросом и в рамках Союзного государства, и в рамках ЕАЭС всегда было создание стабильно равных условий конкуренции для хозяйствующих субъектов. Один из ключевых вопросов здесь – стоимость энергоресурсов. В экономическом союзе энергоресурсы по определению должны стоить одинаково для всех (разумеется, без учета стоимости транспортировки). Если же по этому ключевому вопросу в рамках союза постоянно возникают ограничения и изъятия, то для небольшого государства это становится серьезной проблемой, которая подрывает конкурентоспособность его отдельных производителей и всей экономики.

Именно такую ситуацию мы почти перманентно имеем даже после возникновения ЕАЭС. Создание полноценных рынков газа, а также нефти и нефтепродуктов постоянно откладывается, а текущий режим отношений в сфере энергоносителей ставится в зависимость от часто пересматриваемых двусторонних договоренностей. Например, в последние месяцы эта проблема актуализировалась в связи с планами России по налоговому маневру, в рамках которого российские нефтяные компании могут получить бюджетные компенсации. В таком случае у них будут очевидные конкурентные преимущества перед белорусскими предприятиями.

Та же ситуация и по сельскохозяйственным продуктам. Интеграционная логика Минска периодически поддерживается решениями Евразийской экономической комиссии. Например, недавно она заключила, что регулярные ограничения на поставки белорусской молочной продукции со стороны Россельхознадзора «неправомерно ограничивают конкуренцию». Однако же за этим заключением не последовало соответствующих действий России по исправлению ситуации. Проблема остается на двустороннем уровне, что лишь повышает непредсказуемость и гарантирует будущие конфликты.

Таким образом, если статус-кво по обеим форматным проблемам сохранится, то российско-белорусские отношения будут и дальше «искрить» с высокой периодичностью. И при всей естественности «искрения» для столь насыщенных отношений это будет давать противникам дополнительные возможности вбивать клин между Минском и Москвой. Такая опасность особенно актуальна в условиях растущей геополитической напряженности, из-за которой Беларусь и Россия сталкиваются со все новыми политическими и экономическими вызовами.

Евгений Прейгерман
руководитель экспертной инициативы «Минский диалог»